

DOI: 10.31857/S086904990014757-4

Оригинальная статья / Original Article

Соматические права человека в условиях технологической трансформации телесного бытия

© М.И. ПАНТЫКИНА

Пантыкина Марина Ивановна, Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Россия), pantikina@tltsu.ru

Аннотация. В статье ставится проблема актуальности исследований соматических прав в условиях интенсивного воздействия современных технологий на человеческое тело. Выделяются правовые и философско-мировоззренческие основания, которые структурируют данное проблемное поле. В частности, выявление причин возникновения соматических прав и установление содержательно-генетической связи с другими поколениями прав человека позволили определить специфику соматических прав и отнести их к новому поколению прав человека. Философско-мировоззренческие основания представлены в качестве идейных предпосылок и смысловых горизонтов развития соматических прав. Следствием экспозиции философско-мировоззренческих оснований стала постановка вопроса об онтологическом статусе соматических прав, что, в свою очередь, привело к необходимости выделить формы бытия расширенного тела. В результате автор делает вывод о том, что в отношении современных технологизированных форм телесного бытия соматические права должны выполнять функцию демаркации между морфологической свободой и произволом.

Ключевые слова: соматические права, права человека, тело, бодимодификация, цифровое тело, цифровые кочевники.

Цитирование: Пантыкина М.И. (2021) Соматические права человека в условиях технологической трансформации телесного бытия // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 20–32. DOI: 10.31857/S086904990014757-4

Somatic Human Rights in the Conditions of Technological Transformation of Body Existence

© M. PANTYKINA

Marina I. Pantykina, Togliatti State University (Togliatti, Russia), pantykina@tltu.ru

Abstract. The article raises the problem of updating the research on somatic rights in the context of the modern technologies' intense impact on the human body. The legal, philosophical and worldview foundations of somatic rights used to structure the problem. In particular, the identification of the causes of their occurrence and the establishment of a content-genetic relationship with other generations of human rights made it possible to determine the specifics of somatic rights and attribute them to a new generation of human rights. Philosophical and worldview grounds are presented as ideological prerequisites and semantic horizons for the development of somatic rights. The state of the philosophical and worldview foundations raises the question of the ontological status of somatic rights, which, in turn, led to the need to highlight the forms of being of the expanded body. As result, the author concludes that in relation to up-to-date technologized forms of bodily existence, somatic rights should perform the function of demarcation between morphological freedom and arbitrariness.

Keywords: somatic rights, human rights, body, body modification, digital body, digital nomads.

Citation: Pantykina M. Somatic Human Rights in the Conditions of Technological Transformation of Body Existence. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 20–32. DOI: 10.31857/S086904990014757-4 (In Russ.)

В 2000-е годы правоведы стран СНГ (Д.Г. Василевич, А.И. Колер, В.И. Крусс, М.А. Лаврик, О.Э. Старовойтова и др.) активно развивали в своих исследованиях концепцию соматических прав, которая обосновывает притязания человека на физическую свободу и неприкосновенность¹. Однако научные результаты, которые были представлены в многочисленных публикациях, не способствовали более широкому распространению этой концепции². Кроме того, вопреки популярной либеральной позиции о праве человека распоряжаться собственным телом, соматические права не отражены ни в российском, ни в зарубежном законодательстве. Несмотря на указанные обстоятельства и падение научного интереса к соматическим правам, их нельзя назвать очередной социальной мнимостью. Наоборот, трансформация представлений о человеческом теле и рост влияния на него современных технологий можно назвать существенными доводами в пользу дальнейшего изучения соматических прав, их правовой проработки и законодательного закрепления.

Теоретико-методологическим основанием предлагаемого исследования стал антропологический подход. Подчеркнем, что он используется в рамках философии права, поэтому не следует отождествлять его с антропологией права как отдельной юридической дисциплиной. Данный подход, во-первых, характеризуется методологической установкой, согласно которой не теоретическая модель «человека нормативного» конституирует ре-

¹ В исследовании под соматическими правами понимаются притязания человека по отношению к своему телу, которые реализуются в праве личности по собственному усмотрению изменять функциональные возможности организма или его частей с помощью медикаментозных средств, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий.

² Ограниченность распространения концепции соматических прав обусловлена тем, что понятие соматических прав не тождественно получившему широкое распространение в зарубежной науке понятию прав человека в области биоэтики. См., например: [Andorno 2016, 31–41]. Возможным аналогом соматических прав можно считать «право на целостность личности», который приведен в п.1. ст. 3 Хартии Европейского союза об основных правах.

альный правовой субъект, а социальные практики и «правоповеденческие модели самообращения, в которых и через которые конкретный человек измеряет правовую жизнь в целом, свой правовой статус и правовое положение в частности, в том числе и конкретную юридически значимую ситуацию, в которой он оказывается» [Лавлов 2016, 356]. Во-вторых, антропологический подход определяет место и роль человека в правовых процессах, в том числе в новых и малоизученных³. В-третьих, его отличает междисциплинарность, благодаря чему соматические права можно рассматривать в контексте сравнительного анализа различных поколений прав человека, а также истории философских представлений о теле и телесности. В-четвертых, в рамках антропологического подхода действия человека трактуются как символические практики, которые могут служить основаниями для выделения различных форм телесного опыта. В-пятых, данный подход помогает определить степень легитимности прав человека, поскольку, как пишет Б. Мелкевик, она «... зависит только и исключительно от воли субъектов права, реализации и принятия ими во внимание своих прав. Ответ на вопрос о праве, как и на вопрос о правах человека, в конечном счете, относится к компетенции субъектов права – это им устанавливать, утверждать и упрочивать необходимую взаимность между собой, чтобы легитимировать для себя права человека» [Мелкевик 2014, 48].

Подчеркнем, что новизна предлагаемого исследования определяется философско-правовой аргументацией в контексте антропологического подхода, которая доказывает актуальность исследования соматических прав человека и позволяет выявить технологизированные формы телесного бытия, которые должны стать предметом правового регулирования.

Соматические права как новое поколение прав человека

Чтобы решить проблему «возрождения» научного интереса к соматическим правам, следует реконструировать предпосылки их возникновения и установить общие основания с другими видами прав человека. Как утверждает большинство исследователей, соматические права стали закономерным результатом либерализации общественной жизни конца XX–начала XXI вв. Именно тогда человечество столкнулось со сложными в морально-этическом и правовом аспектах вопросами о проявлениях физической свободы: «...Имеет ли индивидуум право на физическую свободу, может ли лицо определять свою гендерную принадлежность вопреки природе, может ли человек совершенствовать собственное тело медико-агрегатными способами либо воссоздавать себя в неметрической форме объективного существования и т. д.» [Моисеева 2016, 21]. Одновременно в общественном сознании сформировалась потребность в новом методе генерации прав человека, который нивелировал бы власть государства над жизнью и смертью, а также противостоял узаконенному насилию над человеческим телом. Данные либеральные идеи создали условия для появления таких правовых притязаний, как право на трансплантацию органов, изменение пола, эвтаназия и т.д.

К собственно правовым предпосылкам соматических прав следует отнести международные, зарубежные и российские правовые акты [Лаврик 2006^a, 44-62; Лаврик 2006^b, 40-54], которые защищают свободу и достоинство индивида, декларируют принципы мультикультурализма и плюрализма в вопросе о легитимных формах и способах его физического существования. Подчеркнем, что ни в одном из имеющихся нормативных документов не используется понятие соматических прав человека. Тем не менее,

³ К таким правовым процессам принято относить, например, становление четвертого поколения прав человека, легализацию прав ЛГБТ-сообществ, правовую неопределенность техники, правовую регламентацию «дополненной реальности», технических устройств «google-glass» и другие процессы, возникновение которых связано с новыми технологиями.

они имеют основу в законодательно утвержденных правах, и их содержание можно дедуцировать, установив содержательно-генетическую связь и преемственность между соматическими правами и другими поколениями прав человека [Олейник А.Н., Олейник Н.Н. 2015, 120-128].

В частности, в соматических правах можно увидеть присущие первому поколению личных (гражданских) прав право на жизнь, свободу и безопасность, а также обязанность государства воздерживаться от вмешательства в сферу личной свободы. Право на собственность также распространяется на соматические права в части права человека владеть и распоряжаться своим телом. В отличие от прав первого поколения, «соматические права по своему содержанию не охватываются правом на жизнь (например, право на клонирование или право на распоряжение органами и тканями после смерти)» [Деркач, Луковская 2019, 32]. Кроме того, «они по своей сути не являются негативными ... и представляют собой позитивные правовые притязания отдельной личности к обществу и государству как его легитимированному представителю» [Деркач, Луковская 2019, 33], а также устанавливают зависимость правовых притязаний от персональных характеристик правообладателя.

Второе поколение прав человека создает условия для реализации социально-экономических прав на охрану способностей и ресурсов (включая здоровье) человека. Соматические права дополняют их требованиями считать модифицированное тело целостным, здоровым и нуждающимся в охране со стороны государства, признавать сексуальное и репродуктивное здоровье, донорство и трансплантацию органов, гарантировать защиту от незаконного вмешательства в сферу личностной физической свободы.

Нужно учитывать и то обстоятельство, что первые поколения прав человека выражают коллективную ответственность. Они основаны на тезисе о том, что общество будет соблюдать принципы солидарности и сотрудничества в обеспечении права на мир, здоровую окружающую среду и гуманитарную помощь и т.д. Соматические права относятся к группе личных прав, которые принадлежат человеку от рождения и защищают его достоинство. Личные права могут быть подразделены на личностные и гражданские права. Первые реализуются как проявления индивидуальной правовой жизни, которые не всегда регулирует государство. Соматические же права изначально конституировались как гражданские права, которые налагают обязательства на других участников правовых отношений исполнять притязания человека на физической свободу и получать защиту от государства.

Личностные права также имеют статус моральных норм, поэтому они создают мировоззренческую основу для других прав человека. Соматические к данной категории не относятся и должны быть в некоторых аспектах ограничены законодательством. Например, проституция, наркомания, эвтаназия, коммерциализация человеческих органов и некоторые другие аморальные проявления соматических притязаний противоречат принципам достоинства личности и не могут рассматриваться как нравственно-правовая ценность. Таким образом, соматические права относятся к группе личных (гражданских) прав.

Выявляя содержательно-генетическую связь соматических прав с различными поколениями и видами прав человека, важно подчеркнуть специфику их происхождения. Они появились в результате интенсивного влияния на жизнь человека достижений современного научно-технического прогресса. 3D-биопринтинг, медицинские и биотехнологии, блокчейн, виртуальную и дополненную реальности следует рассматривать не только как средства создания «умных» вещей, но и как претендентов на процессинг новых форм социо-материальных телесностей [Чеклецов 2016, 155–164]. С учетом того, что динамизм, многофакторность и риски новых технологий включены в содержание соматических прав, значение последних в сфере правового регулирования неизбежно будет возрастать. Есть

все основания утверждать, что соматические права можно рассматривать как четвертое поколение прав человека. Проблема, однако, состоит в отсутствии необходимых юридических инструментов для их описания и кодификации⁴.

Тело как предмет соматических прав: философско-мировоззренческие основания

До конца XIX в. в европейской философии тело исследовали через описание дихотомии субъекта и объекта, тела и души, трансцендентного и имманентного. Впервые изменения в представлениях о человеческом теле и новое отношение человека к нему были отмечены в философии в XIX в. С середины XX в. тело и телесность стали самостоятельным предметом философских концепций. Для того, чтобы раскрыть содержание соматических прав, необходимо остановиться на их философско-мировоззренческих основаниях.

Самость как представление человека о себе как целостном существе. Зависимость тела от различных аспектов человеческого бытия и условий его познания была обнаружена в философии жизни. А. Шопенгауэр и Ф. Ницше первыми заявили о двух ипостасях тела: физическом (Körper) и живом (Leib). Не отрицая того, что тело в первой своей сущности воспринимается как нечто внешнее и известное нам через ощущения, они утверждали, что тело-объект приобретает дополнительные характеристики и становится живым телом, как только помещается в какое-либо пространство. А. Шопенгауэр писал, что «органическое тело... на самом деле не что иное, как сама воля, принявшая в созерцании интеллекта пространственный образ» [Шопенгауэр 2001, 417]. Ф. Ницше считал, что проявлениям воли и сознания предшествует «самость», которая хочет созидать более ее самой [Ницше 2007, 35]. Наделяя тело такими характеристиками, как самость и воля, представители философии жизни сделали важный шаг к признанию притязаний живого человека на целостность существования, а также его готовности к ответственной активности, которая направлена как вовне, так и на самого себя. Такую трактовку сущности тела можно назвать исходным мировоззренческим основанием соматических прав человека.

Субъективное восприятие тела и нормальность опыта телесного сознания. Положения о безусловной ценности человеческого тела и регламентировании телесного сосуществования становятся понятными, если вслед за Э. Гуссерлем, М. Мерло-Понти и Г. Марселем признать, что тело имеет ментальные функции и телесное сознание. Последнее состоит из двух уровней. Первый, «природный», выражается в восприятии собственного тела и осмыслении телесного опыта [Гуссерль 2004, 228]. Второй интерсубъективный уровень проявляется в преодолении границ «своего тела» в опыте восприятия «Другого» и способности образовать с ним пару. Устойчивость отношения «Я» и «Другого», по мнению Гуссерля, обусловлена априорно заданной нормальностью, «в соответствии с которой каждый из двух нормальных индивидов, в том случае, если они меняются местами, [на самом деле] или мысленно, и телом, ...находит в своем сознании точь-в-точь те же явления, что раньше были реализованы в сознании другого» [Гуссерль 2004, 231]. Таким образом, телесное сознание гарантирует подлинность и аутентичность восприятия тела. Если экстраполировать данный вывод на соматические права, их можно назвать формой объективации телесного сознания.

⁴ Следует отметить, что в отношении био- и медицинских технологий в настоящее время развернуто политико-правовое противостояние между отдельными их производителями и государствами. См. подробнее: [Ланаева 2020]. Соматические права пока находятся в стадии становления и обсуждаются только в теоретических дискуссиях, значение которых нельзя переоценить. Как справедливо утверждает Б. Мелкевик, предыдущие поколения прав человека легитимизировали с помощью протестантизма, метафизической философии и международных деклараций. Новые же поколения должны внедряться за счет демократических процессов и умонастроений, которые необходимо предварять дискурсом об их соответствии требованиям юридической современности.

Тело как форма личной собственности. Утверждение тела в качестве формы собственности стало основополагающим для феноменологии тела. Так, М. Мерло-Понти пришел к данному «открытию», изучая психологию беременных женщин, которые чувствуют, как отчуждаются от них их собственные тела. Г. Марсель представлял тело как личный инструмент, которым человек владеет и распоряжается. Он также обращал внимание на то, что в некоторых случаях тело может подчинять волю человека, например, когда состояние здоровья мешает ему осуществить свои намерения. Данные размышления философов подводят к главному вопросу о соматических правах: «Можно ли считать тело человека его собственностью, которой он может распоряжаться по собственному усмотрению?». С одной стороны, утверждение тела как формы собственности (например, в духе учения о собственности Гегеля) представляется наиболее простой и очевидной предпосылкой для нормативного закрепления права распоряжаться собственным телом. С другой стороны, в соответствии с данным подходом тело можно считать вещью или инструментом по отношению к его обладателю. В результате оно оказывается только опосредованно или случайно связано с самостью человека. Такое «не совсем его» тело может быть отчуждено внешней силой или произвольно включено в нежелательные социальные отношения и позиции. Разрешить данную антонимию необходимо в процессе развития концепции соматических прав человека.

Тело может быть любим. Утверждая право человека распоряжаться своим телом, соматические права исключают монополию власти на формирование представлений о нормальных и патологических телах, моделируют новые формы телесного существования. Дж. Агамбен один из первых констатировал, что общество развивается именно в указанном направлении. Он считает, что рано или поздно тело человека будет представляться как любое, то есть то-какое-(ни)-пожелашь, то есть любимое [Агамбен 2008, 9]. Такое тело можно назвать предельным выражением самости. Оно перестает нуждаться в установлении идентичности после того, как освобождается от общественных и телеологических оков. Тело становится чистой экспозицией без следов биологической судьбы и индивидуальной биографии. «Любое» тело – это неопределенность, которая обусловлена лишь своей реализацией в идее, то есть всеми своими возможностями в целом [Агамбен 2008, 61]. Абсолютно коммуникабельное и целиком высвеченное [Агамбен 2008, 47], оно легко превращается в товар, рекламный образ или предмет дискурса. Поскольку тело может быть любим, возможны самые разные формы его явленности, которые множатся под влиянием технологизации.

Телесная эмансипация как новая форма отчуждения. Различные подходы к определению отчуждения объединяет понимание того, что оно охватывает социальные и экзистенциальные качества человека, которые выходят из-под его контроля и становятся самостоятельной, господствующей силой. Стремление преодолеть отчуждение и достичь более высокого уровня свободы считают одним из факторов социального развития. Однако борьба за эмансипацию нередко порождает новые формы отчуждения. В данном контексте движение к морфологической свободе, к праву каждого человека на бодимодификацию может быть одновременно и условием для снятия отчуждения, и предпосылкой возникновения новых его форм. По мнению Д. Кампера, такой формат свободы возник в современном социально-экономическом и технологическом контекстах, а именно тогда, когда тело перестало оказывать сопротивление практикам включения-исключения в семье, публичной сфере, мире труда [Кампер 2012, 65] и как следствие превратилось в абстракцию, свободную от традиционных норм и ценностей.

Переоценка традиционных ценностей практически воплощена в бодимодификации. Стремление к улучшению внешних параметров человеческого тела основано на установке преодолеть отчуждение через самоактуализацию, которая, в свою очередь, может стать причиной другого отчуждения. Как уточняет Ж.-Л. Нанси, пока включенные в этот процесс индивиды не перестают актуализировать свою самость, они индивидуализируются, «постоянно становясь все более отличными от самих себя, а значит, все более

схожими и взаимозаменяемыми...» [Нанси 1999, 62]. Еще одним препятствием достижению телесной свободы Ж.-Л. Нанси считает идеологию родового братства и равенства людей. С его точки зрения, опыт свободы, какой бы невыносимой она ни была, демонстрирует разнообразие телесных различий, не оставляющих места ни одному континууму, «но являющуюся, напротив, рассеянным, бесконечно потирающемся взламыванием любого изначального соединения/раздвоения клеток, посредством чего рождается тело» [Нанси 1999, 61]. Идеология родового равенства опасна тем, что она защищает не только права и свободы человека, но и расизм.

Таким образом, мотив совершенствования тела человека не гарантирует соматической свободы. Возможность технологической модификации тела приводит к тому, что от него может быть отчуждена любая фракция. Тело уже не воспринимается как целостность, поэтому оно становится «чужим». Заметим, что в данном случае остается за скобками проблема зависимости тела от социальных факторов. Речь идет о том, что технологическая эмансипация тела становится новой формой отчуждения, которую можно если не преодолеть, то хотя бы уравновесить правовым регулированием с помощью соматических прав человека.

Соматические права и новые формы бытия расширенного тела

Приведенные выше философско-мировоззренческие основания позволяют предположить, что соматические права человека связаны с формами телесного опыта, который трансформируется вместе с внедрением новых изобретений и технологий. Многовекторность современного технологического прогресса задает разнообразие форм бытия расширенного тела человека (Г.М. Маклюэн), каждая из которых заслуживает отдельного изучения. В данной статье предметом исследования будут формы телесного бытия, которые возникли под влиянием цифровых технологий⁵. К ним следует отнести функционально техноморфные тела-субъекты, которые интегрированы с аппаратами восприятия, протезами и трансплантированными органами, а также обращенные вовне тела-сообщения или цифровые тела, которые передаются с помощью информационных каналов [Курленкова 2018, 38]. Сформированные при использовании данных технологий социальные практики с новыми габитусом, умениями и навыками не только несут в себе угрозу дегуманизации, но и влияют на естественные функции человеческого тела.

Данные формы технологизированного (расширенного) телесного бытия пока недостаточно изучены. Не очевидны и последствия их распространения. Тем не менее, современное состояние телесного опыта уже позволяет утверждать, что им свойственны особый регламент и дисциплина, которые предписываются людям с помощью искусственных языков, «производятся механизмами для блага тех, кто их использует: сделайте то, сделайте это, поступайте так, не делайте того» [Латур 2006, 206]. Подобный синкретизм людей и технологий порождает гибридные социальные порядки (Дж. Урри), при которых тело становится одновременно актором и агентом. В данном контексте стоит еще раз обратиться к вопросу о практической значимости соматических прав в контексте дескрипции некоторых форм бытия расширенного тела: тело как интерфейс, цифровое тело, гибридные тела и цифровые кочевники.

⁵ В предлагаемой статье необходимость законодательного закрепления соматических прав обоснована теоретическими положениями и фактами, которые связаны с цифровыми технологиями. Такое ограничение обусловлено тем, что влияние бодимодификации, трансплантации и эвтаназии в достойной степени исследовано в научной литературе о соматических правах, в то время как воздействие компьютерных и информационных (неаналоговых) технологий на человеческое тело и представления о нем остаются практически неизученными. При этом степень такого воздействия на мир современного человека растет в геометрической прогрессии, например, на фоне эпидемиологической ситуации, вызванной вирусом COVID-19.

Тело смогло получить функции интерфейса благодаря развитию таких цифровых технологий, как виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR). Так, специфика VR «строится по принципу «глаз + рука»: трехмерная сцена меняется в зависимости от направления взгляда пользователя, который может взаимодействовать со средой (непосредственно рукой или с помощью манипулятора)» [Браславский 2004, 159]. VR-технологии развиваются в направлении увеличения физиологичности, которая выражается в способности вовлечь в движение все органы чувств, уменьшить или увеличить физические нагрузки. В обозримом будущем VR позволит преодолеть «тиранию компьютерных кнопок» и манипулировать всем телом.

Научные экспертизы влияния VR и AR на тело человека зачастую содержат взаимоисключающие выводы и оценки. В связи с этим мы ограничимся только теми из них, которые могут быть экстраполированы на проблематику соматических прав. Так, исследование чувственного опыта игроков Pokémon Go (AR) показывает, что участники игры, как правило, утрачивают контроль над своим телом и «ощущают» его только благодаря присутствию других тел в виде виртуальных объектов [Соколова 2017, 208-210]. Причем данное присутствие нельзя назвать постоянной величиной, так как оно зависит от характеристик технических устройств. Статистики чрезвычайных происшествий с участием игроков Pokémon Go не существует, но очевидно, что они подвергают свою жизнь и здоровье опасности. Даже если технические регламенты новых версий AR-игр учтут данные угрозы, останется открытым вопрос о контроле человека над собственными ощущениями, а также о дифференциации «живых» и «искусственных» чувств. Решение вопроса предполагает корректировку уникальности человеческого тела, параметры которой и должны регулироваться соматическими правами.

Цифровое тело (или аватар) также можно назвать одной из форм бытия расширенного тела, которая распространилась через социальные сети и средства электронной коммуникации. В настоящее время цифровое тело перестало быть статичным образом тела пользователя. Оно обладает кинетическими, языковыми и коммуникативными функциями аналогично телу живого человека. Цифровые тела и способы их существования в виртуальном пространстве должны быть включены в проблемное поле соматических прав человека в связи с тем, что цифровизация может стать причиной массовой утраты способности к адекватной телесной самоидентификации. В результате возникнет ряд правовых проблем, например, в оценке случаев наступления юридической ответственности, признания дееспособности и т.п.

В частности, в компетенцию соматических прав должен входить вопрос о демаркации между «живыми» и «мертвыми» цифровыми телами. Необходимо нормативно установить такие различия в связи с тем, что в социальных сетях «ВКонтакте», Facebook и Instagram выросли «виртуальные кладбища» из аккаунтов умерших людей. По желанию родственников такие аккаунты приобретают «памятный статус», что дает возможность подписчикам общаться между собой так, как будто бы умерший жив и подключен к виртуальному сообществу [Петряхин 2018, 187-188]. Не исключено, что в скором будущем аккаунты умерших людей не будут отвергать специалисты в области гражданского и уголовного права [Ефименко 2019]. Тем не менее, до наступления данного момента вопрос живого-мертвого цифрового тела необходимо включить в повестку развития соматических прав человека.

Гибридные тела тоже относятся к формам расширенного телесного бытия. В последние десятилетия они стали предметом многочисленных научных и научно-популярных публикаций. Отсутствие однозначного определения гибридных тел в них компенсируют описаниями методов и случаев использования био-, информационных и когнитивных технологий для их создания. Наиболее полно представлены следующие гибриды: киборги (тела с протезами и/или с имплантатами); тела с модифицированными генами; органы, которые вырастили из стволовых клеток; тела-продукты нейрохакинга (имплантация нейродатчиков, нейрокомпьютерный интерфейс, нейровизуализация). Данный пере-

чень будет дополняться по мере развития технологий. Одновременно важно понимать, что современные технологии не возникают непосредственно и исключительно из намерений людей и их действий. Они сложным образом обусловлены машинами, текстами, объектами и иными технологиями [Урри 2012, 54] и, в определенном смысле, порождаются ими. Поэтому проблема антропологической и социокультурной экспертизы, а также социального контроля технологий становится практически неразрешимой. Отсутствие критериев дифференциации природного тела и искусственно улучшенного тела может привести к девальвации привычных представлений о социальной справедливости, недобросовестной конкуренции на рынке труда и в спортивных соревнованиях.

Стоит также отметить, что конструктивная особенность гибридов предполагает «вынесение» вовне человеческих органов и чувств. В результате может деформироваться чувственный опыт. Пока невозможно однозначно оценить изменение данной сферы познания. Так, К. Келли полагает, что микроскопические встроенные датчики в будущем приведут к созданию системы самоотслеживания показателей телесного здоровья. «...Если взять эту информацию и представить ее не в виде чисел, а в форме, которую можно почувствовать, ...такое устройство разовьет в нас новую способность ощущать собственный организм, которую мы не получили в результате эволюции, но в которой отчаянно нуждаемся» [Келли 2017, 276]. Однако конструирование новых чувств с помощью датчиков имеет и теневую сторону, связанную с влиянием их на кору головного мозга и появлением управляемых состояний сознания. Размышляя в этом направлении, Дж. Урри прогнозирует появление технологий IT-конструирования чувств: «кремниевые чувства» смогут сохранять и воспроизводить долгосрочные воспоминания, а также представлять амбивалентные переживания желания-отвращения, уклонения-стремления [Урри 2012, 152]. Результатом изменений структуры чувственного опыта может стать трансформация образа жизни людей и порядка их социальных позиций.

Пробелы в законодательстве также препятствуют решению проблемы системной экспертизы и социального регулирования гибридных тел. Вопрос о специализированном правовом регулировании роботов стоит на повестке дня в России, США, Великобритании, странах ЕС, Японии, Китае и Южной Корее. В международном праве действует система технических стандартов, например, стандарт ISO 13482:2014 Robots and robotic devices – Safety requirements for personal care robots (документ устанавливает требования к безопасности роботов-личных помощников), который ратифицировали в 163 государствах [Филипова 2020]. В юридической практике есть правило, согласно которому владельцы отвечают за действия роботов. В связи с ним гибридные тела исключены из правового поля. Возникают вопросы вроде: «Кто должен отвечать за криминальные действия гибридного тела, например киборга, если проступок он совершил под влиянием интегрированного с ним технического устройства?». Может быть, сам гражданин-киборг? Он может сослаться на свои трансформированные органы чувств, на неполадки в работе протеза или имплантата. Можно ли тогда считать виноватыми производителя или «установщика» последних? Данные вопросы можно назвать еще одним аргументом в пользу развития концепции соматических прав и их правовой проработки.

В последнее десятилетие распространенной формой бытия расширенного тела стала такая социальная практика, как цифровое кочевничество. Теоретически осмыслял данный феномен Г.М. Маклюэн, который сравнивал собирателей электронной информации с древними кочевниками [Маклюэн 2003, 324]. Позднее, благодаря исследованиям Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Аттали, Дж. Урри, Ц. Макимото и Д. Мэннерса концепт цифрового кочевника обрел более определенные семантические характеристики: перманентная мобильность, постоянная подключенность к Интернету, частое пребывание в местах с беспроводной связью, стремление к свободе выбора, независимость в выборе профессиональных задач и траектории своего кочевания и т.д. [Кужелева-Саган 2020, 200–201].

Образ жизни и профессиональной деятельности цифровых кочевников развивает их познавательные способности. Так, мультисенсорность формируется на основе навыка одновременной работы с несколькими экранами, устройствами ввода информации, комбинациями визуальных и слуховых образов, умением «схватывать синхронные нарративные структуры» [Урри 2012, 110]. Телесный опыт цифровых кочевников заметно трансформирует социальную топологию. В частности, уже нынешнее их поколение все время находится в движении и не связывает себя с конкретным физическим или географическим пространством. Цифровые кочевники привыкли к транзитным зонам, «где все связи подвешиваются, а время растягивается, превращаясь в непрерывное настоящее» [Урри 2012, 47], поэтому физическое время утрачивает для них значение. Кроме того, частая смена часовых поясов и нерегламентированное рабочее время сбивают биоритмы, что сказывается на здоровье. Для соблюдения графика работы и повышения производительности труда цифровые кочевники используют тайм-менеджеры вроде приложений Asana и Trello. Они синхронизируют биоритмы участников производственного процесса, которые разбросаны по всему миру. Проблема контроля за состоянием здоровья людей, на которых постоянно воздействуют гаджеты и технологии, не может быть исключительно личным делом пользователей. Ее необходимо решать на государственном и межгосударственном уровнях. Важно, чтобы охрана здоровья людей, которые работают в условиях нестандартной трудовой занятости с применением дистанционных технологий, стала предметом социально-экономических прав человека. Прежде всего она должна быть закреплена в содержании соматических прав.

Даже неполное описание практик и образа жизни цифровых кочевников позволяет утверждать, что формируется новая генерация людей, телесность которых зависит не только от национальных, половых, возрастных различий, финансового или культурного бэкграунда, но и от используемых технологий. Поэтому «изменения способов общения, тотальная цифровая и информационная прозрачность стимулируют запросы на модификацию общественных отношений и выдвигают новые требования к нормативно-ценностной парадигме культуры» [Лисенкова 2020, 74]. Трансграничная идентичность цифровых кочевников способствует формированию новых социальных групп и «ломает» традиционные представления о социальном порядке, что имеет непосредственное отношение к разработке концепции соматических прав человека.

Таким образом, представленные в данной статье правовые и философско-мировоззренческие основания соматических прав человека показывают, что они развиваются в русле современных социокультурных процессов и стимулируются технологическими достижениями. Исследование форм технологизированного бытия человеческого тела показало, что легализованные соматическими правами притязания человека на морфологическую свободу расширяют границы дозволенного вплоть до их совмещения с произволом и существенно ограничивают внешнее вмешательство общества и государства. Угрозу произвола по отношению к человеческому телу необходимо рассматривать в двух плоскостях: как неограниченное моральными или правовыми нормами собственническое отношение к телу и как неконтролируемое подключение человеческого тела к сетевому взаимодействию с последующим превращением в «узел» такой сети. В данном контексте разработка проблематики соматических прав открывает актуальное направление научного исследования, результаты которого будут востребованы в практике законодательства и правоприменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агамбен Дж. (2008) Грядущее сообщество. М.: Три квадрата. 144 с.
Браславский П.И. (2004) Тело как интерфейс: антропологические аспекты современных коммуникаций // Эпистемы. Выпуск 3: Язык. Дискурс. Текст: Материалы межвузовского семинара: альманах. Екб.: Изд-во Урал. ун-та. С. 156–165.

- Гуссерль Э. (2004) Основные проблемы феноменологии. В Разеев Д.Н., Гуссерль Э. В сетях феноменологии. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Издательство СПб. ун-та. С. 225–364.
- Деркач Н.Г., Луковская Д.И. (2019) Соматические права в системе права человека // Юридическая наука: история и современность. № 1. С. 30–36.
- Ефименко Е. (2019) Совет по кодификации отклонил законопроект о цифровых правах // Право. Ru. 17 января. (<https://pravo.ru/story/208294/>).
- Кампер Д. (2012) Реальное как невозможное. К топологии субъекта // Einai: Философия. Религия. Культура. Т. 2. (2). С. 60–81.
- Келли К. (2017) Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер. 347 с.
- Крусс В.И. (2000) Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении. К постановке проблемы // Государство и право. № 10. С. 43–50.
- Кужелева-Саган И.П. (2020) Общие контуры онтологии образования в эпоху нового кочевничества // Научно-педагогическое обозрение. № 1 (29). С. 200–211.
- Курленкова А.С. (2018) Форум: Новые технологии и телесность как предмет антропологических исследований // Антропологический форум. № 38. С. 47–51 (<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/038/forum.pdf>).
- Лаврик М.А. (2006⁶) Соматические права человека в Российской Федерации: конституционные основания, действующее законодательство и практика реализации // Сибирский юридический вестник. № 2. С. 40–54.
- Лаврик М.А. (2006⁶) Конституционные основания соматических прав человека: вопросы теории и практика зарубежных государств // Сибирский юридический вестник. № 1. С. 44–62.
- Лапаева В.В. (2020) Редактирование генома человека: правовые ограничения, моральные дозволения или религиозные запреты? // Вопросы философии. № 5. С. 116–127.
- Латур Б. (2006) Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. М.: Изд. дом «Территория будущего». С. 199–223.
- Лисенкова А.А. (2020) Трансформация идентичности в цифровую эпоху // Вопросы философии. № 3. С. 65–74.
- Маклюэн Г.М. (2003) Понимание Медиа: Внешние расширения человека. Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле». 464 с.
- Мелкевик Б. (2014) Легитимность и права человека // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография в 2 т. Т. 2. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс». С.40–53.
- Моисеева Е.Ю. (2016) Концепция соматических прав человека в современном российском праве // Юридическая наука и практика. Т. 12. № 4. С. 20–29.
- Нанси Ж.-Л. (1999) *Corpus*. М.: Издательство Ad Marginem. 256 с.
- Ницше Ф. (2007) Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого М.: Культурная революция. 432 с.
- Олейник А.Н., Олейник Н.Н. (2015) Историческое развитие поколений «прав человека» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. № 14. (211). С.120–128.
- Павлов В.И. (2016) Антропологическая концепция права // Постклассическая онтология права: монография. СПб.: Алетейя. С. 325–376.
- Петряхин С. (2018) Распределенная личность и виртуальная телесность // Технологии и телесность. М.: ИЭА РАН. С. 169–208.
- Соколова Е.К. (2017) Телесное присутствие в геолокационных играх. Часть 2 // Социология власти. Т. 29. № 3. С. 197–220.
- Урри Дж. (2012) Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 336 с.
- Филипова И.А. (2020) Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Н. Н.: Нижегородский госуниверситет. 90 с.
- Хартия Европейского союза об основных правах. Право Европейского союза. (<https://eulaw.ru/treaties/charter/>).
- Чеклецов В.В. Экзистенциальный и Umwelt-анализ зонтичных NBICS-технологий // Социологические измерения конвергентных технологий. Онтологии и коммуникации: Коллективная монография. К.: ЗАО «Университетская книга», 2016. С. 155–164.

Шопенгауэр А. (2001) Мир как воля и представление. Шопенгауэр А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. М.: ТЕРА – Книжный клуб; Республика. 560 с.

Andorno R. (2016) A Human Rights Approach to Bioethics. In: *Bioethical Decision Making and Argumentation* (International Library of Ethics, Law, and the New Medicine). Cham: Springer. pp. 31–41.

REFERENCES

Agamben J. (2008) *Gryadushcheye soobshchestvo* [The Coming Community]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 144 p.

Andorno R. (2016) A Human Rights Approach to Bioethics. In: *Bioethical Decision Making and Argumentation* (International Library of Ethics, Law, and the New Medicine). Cham: Springer International Publishing Switzerland. pp. 31–41.

Braslavsky P.I. (2004) Telo kak interfeys: antropologicheskiye aspekty sovremennykh kommunikatsiy [Body as an Interface: Anthropological Aspects of Modern Communications]. *Epistemy. Ser. 3: Language. Discourse. Text: Materials of the Interuniversity Seminar: Almanac*. Yekaterinburg: Ural St. Univ. Publ. pp. 156–165.

Chekletsov, V.V. (2016) Ekzistentsial'nyy i Umwelt-analiz zontichnykh NBICS-tekhnologiy [Existential and Umwelt Analysis of Umbrella NBICS Technologies]. In: *Sotsio-antropologicheskiye izmereniya konvergentsnykh tekhnologiy. Ontologii i kommunikatsii*. Kursk: Universitetskaya kniga Publ. pp. 155–164.

Derkach N.G., Lukovskaya, D.I. (2019) Somaticheskiye prava v sisteme prava cheloveka [Somatic Rights in the Human Rights System]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. no. 1. pp. 30–36.

Efimenko E. (2019) *Sovet po kodifikatsii otklonil zakonoprojekt o tsifrovyykh pravakh* [The Council on Codification Rejected the Bill on Digital Rights]. *Pravo.Ru*. 17 January (<https://pravo.ru/story/208294>).

Filipova I.A. (2020) *Pravovoye regulirovaniye iskusstvennogo intellekta: uchebnoye posobiye* [Legal Regulation of Artificial Intelligence: the Tutorial], N. Novgorod Publ. 90 p.

Husserl E. (2004) Osnovnyye problemy fenomenologii [Basic Problems of Phenomenology]. In: Razeev D.N., Husserl E. *V setyakh fenomenologii. Osnovnyye problemy fenomenologii*. St. Petersburg: St. Petersburg St. Univ. Publ. pp. 225–664.

Kamper D. (2012) Real'noye kak nevozmozhnoye. K topologii sub'yekta [Real as Impossible. To the Topology of the Subject]. *Einai: Filosofiya. Religiya. Kul'tura*, vol. 2 (2). pp. 60–81.

Kelly K. (2017) *12 tekhnologicheskikh trendov, kotoryye opredelyayut nashe budushcheye Inevitable* [12 Technological Trends that Determine our Future]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ. 347 p.

Khartiya Yevropeyskogo soyuza ob osnovnykh pravakh [Charter of Fundamental Rights of the European Union]. *Pravo Yevropeyskogo soyuza*. (<https://eulaw.ru/treaties/charter/>).

Kruss V.I. (2000) Lichnostnyye ("somaticheskiye") prava cheloveka v konstitutsionnom i filosofsko-pravovom izmerenii. K postanovke problem [Personal ("Somatic") Human Rights in the Constitutional and Philosophical and Legal Dimensions. To the Problem Statement], *Gosudarstvo i parvo*. no. 10. pp. 43–50.

Kurlenkova A.S. (2018) Forum: Novyye tekhnologii i telesnost' kak predmet antropologicheskikh issledovaniy [Forum: New Technologies and Corporality as a Subject of Anthropological Research]. *Antropologicheskyy forum*. no. 38. pp. 47–51 (<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/038/forum.pdf>).

Kuzheleva-Sagan I.P. (2020) Obshchiye kontury ontologii obrazovaniya v epokhu novogo kochevnichestva [General Contours of the Ontology of Education in the Era of New Nomadism]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye*. no. 1 (29). pp. 200–211.

Lapaeva V.V. (2020) Redaktirovanie genoma cheloveka: pravovye ogranicheniya, moral'nye dozvoleniya ili religioznye zaprety? [Human Genome Editing: Legal Restrictions, Moral Permissions or Religious Prohibitions?]. *Voprosy Filosofii*. vol. no. 5. pp. 116–127.

Latour B. (2006) *Gde nedostayushchaya massa? Sotsiologiya odnoy dveri* [Where is the Missing Mass? Sociology of One Door], in: *Sotsiologiya veshchey*. Moscow: Territoriya budushchego Publ. pp. 199–223.

Lavrik M.A. (2006a) Konstitutsionnyye osnovaniya somaticheskikh prav cheloveka: voprosy teorii i praktika zarubezhnykh gosudarstv [Constitutional Foundations of Somatic Human Rights: Theory and Practice of Foreign States]. *Sibirskiy yuridicheskyy vestnik*. no. 1. pp. 44–62.

Lavrik M.A. (2006b) Somaticheskiye prava cheloveka v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionnyye osnovaniya, deystvuyushcheye zakonodatel'stvo i praktika realizatsii [Somatic Human Rights in the Russian Federation: Constitutional Foundations, Current Legislation and Implementation Practice]. *Sibirskiy yuridicheskyy vestnik*. no. 2. pp. 40–54.

Lisenkova A.A. (2020) Transformatsiya identichnosti v tsifrovuyu epokhu [Identity Transformation in the Gigital Age]. *Voprosy filosofii*. no. 3. pp. 65–74.

Moiseeva, E.Y. (2016) Kontseptsiya somaticheskikh prav cheloveka v sovremennom rossiyskom prave [The Concept of Somatic Human Rights in Modern Russian Law]. *Kontseptsiya somaticheskikh prav cheloveka v sovremennom rossiyskom prave*. vol. 12. no. 4. pp. 20–29.

McLuhan G.M. (2003) *Ponimaniye Media: Vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: External Human Extensions]. Moscow, Zhukovsky: KANON-press-TS, Kuchkovo pole Publ. 464 p.

Melkevik B. (2014) Legitimnost' i prava cheloveka [Legitimacy and Human Rights], in: *Kommunikativnaya teoriya prava i sovremennyye problemy yurisprudencii: K 60-letiyu Andreye Vasil'evicha Polyakova. Kollektivnaya monografiya: v 2 t. T. 2*. Saint Petersburg: OOO Izdatel'skiy Dom «Alef-Press». pp. 40–53.

Nancy J.-L. (1999) *Corpus* [Corpus]. Moscow: Ad Marginem Publ. 256 p.

Nietzsche F. (2007) *Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo* [Thus Spoke Zarathustra. A Book for Everyone and for no One]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. 432 p.

Oleinik A.N., Oleinik N.N. (2016) Istoricheskoye razvitiye pokoleniy «prav cheloveka» [Historical Development of Generations of “Human Rights”]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. no. 14 (211). pp. 120–128.

Petryakhin S. (2018) Raspredeleonnaya lichnost' i virtual'naya telesnost' [Distributed Personality and Virtual Corporeality], in: *Tekhnologii i telesnost'* [Technologies and Corporeality]. Moscow: IEA RAN Publ. pp. 169–208.

Pavlov V.I. (2016) *Antropologicheskaya koncepciya prava* [Anthropological concept of law], in: *Postklassicheskaya ontologiya prava* [Postclassical ontology of law]. Saint Petersburg: Aletejya. pp. 325–376.

Schopenhauer A. (2001) *Mir kak volya i predstavleniye* [The World as Will and Representation], in: A. Schopenhauer, *Sobraniye sochineniy* [Collected Works] in 6 Vols. vol. 2. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub; Respublika Publ. 560 p.

Sokolova E.K. (2017) Telesnoye prisutstviye v geolokatsionnykh igrakh. Chast' 2 [Physical Presence in Geolocation Games. Part 2], *Sotsiologiya vlasti*. vol. 29. no. 3. pp. 197–220.

Urry J. (2012) *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology Beyond Societies: Types of Mobility for the 21st Century]. Moscow: High School of Economics Publ. 336 p.

Об авторе

Пантыкина Марина Ивановна, доктор философских наук, доцент, Тольяттинский государственный университет. Адрес: г. Тольятти, ул. Белорусская, 14, 445020. E-mail: pantikina@tltsu.ru

About the author

Marina I. Pantykina, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Togliatti State University. Address: Togliatti, Belorusskaya st., 14, 445020. E-mail: pantikina@tltsu.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 23.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 11.08.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 18.08.2021